

черновыми набросками (окончанием главы III и началом главы VI). Мы бы предложили разместить за БАП₁ черновой автограф главы VII (ЧА₁, л. 20–21 об.), который, вероятно, завершал эту рукопись, о чем свидетельствует и авторская подпись на последнем листе.

Дальше можно было бы разместить три перечисленных выше фрагмента раннего текста в порядке глав, т. е. в логике следования тексту (л. 17, 17 об., 19–19 об.). Последними в папке окажутся выписки из «Ревизора» и «Театрального разъезда» (л. 18–18 об.), т. е. не авторский текст (впрочем, эти листы можно было бы поместить и в начало папки). Было бы желательно листы — соответственно новому местонахождению в каждой папке, — перенумеровав в указанной последовательности, переместить и на сайте.

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-4-230-235

© Л. В. Хачатурян

ЖИЗНЬ ПОСЛЕ ЛЕФА. РАБОЧИЕ ТЕТРАДИ АЛЕКСЕЯ КРУЧЕНЫХ 1927–1930 ГОДОВ*

Огромный корпус творческого наследия Алексея Крученых принято делить на два практически изолированных кластера, обусловленных диаметрально различными стратегиями жизнетворчества, первая из которых — акцентируемая «прагматика действия»,¹ вторая — продиктованная цензурой «прагматика неучастия». На рубеже между ними кипучая активность Крученых в создании новых форм художественного высказывания — языка, перформанса, артефакта — стремительно перешла в свою полную противоположность — архивный или «рукописный период». Фактография творчества Крученых эпохи футуризма исследована в ряде научных работ, посвященных русскому авангарду.² Публикаций поздних текстов Крученых известно крайне мало.

* Исследование подготовлено в рамках проекта РНФ № 22-28-01569, НИУ ВШЭ.

¹ Применительно к русскому авангарду термин «действенность» (провокативное продвижение идеи) предложен в программной статье М. И. Шапира: «Главным становится действенность искусства — оно призвано поразить, растормошить, взбудоражить, вызвать активную реакцию у человека со стороны. При этом желательно, чтобы реакция была немедленной, мгновенной, исключавшей долгое и сосредоточенное переживание эстетической формы и содержания <...> Ситуация в целом отчасти напоминает корриду, а ее создатели — своего рода тореадоров» (*Шапир М. И.* Эстетический опыт XX века. Авангард и постмодернизм // *Philologica*. 1995. Т. 2. № 3/4. С. 137–138). В современных исследованиях «прагматика действия» актуализирована в работах Д. Г. Иоффе («шокирующий праксис»). См.: «При осмыслении семиотической основы русского футуризма упор делается на открыто акцентируемую им прагматику действия, на восприятие авангарда как некоего особого шокирующего праксиса и, прежде всего, на сложный дейксис воинственного авангардного жеста» (*Иоффе Д. Г.* К вопросу о радикальной эстетике Второго русского авангарда. Поэтика Михаила Гробмана: живопись, жизнетворчество и кинический террор // Новое литературное обозрение. 2016. № 4. С. 287). См. также: *Иоффе Д. Г.* Символический капитал посмертного наследия Хлебникова и Маяковского sub specie авангардной перформативности скандала. Семиотическая прагматика авангардного поведения и жизнетворчества // *Критика и семиотика*. 2022. № 1. С. 228–272.

² Память теперь многое разворачивает: Из литературного наследия Крученых / Сост., послесловие, публ. текстов и комм. Н. Гурьяновой. Berkeley, 1999; *Розанова О.* «Лефанта чиол...» / Вступ. статья, публ. писем и комм. В. Н. Терехиной. М., 2002; Книги А. Е. Крученых кавказского периода из коллекции Государственного музея В. В. Маяковского: каталог / Авт.-сост. Л. Г. Жукова, Д. В. Карпова. М., 2002; *Крученых А. Е.* К истории русского футуризма: Воспоминания и документы / Вступ. статья, подг. текста и комм. Н. Гурьяновой. М., 2006; *Харджиев Н.* От Маяковского до Крученых: Избр. работы о русском футуризме. С приложением «Крученыхиды» и других материалов. М., 2006; Архив Н. И. Харджиева. Русский авангард. Материалы

Рабочее название второй стратегии было впервые предложено Н. И. Харджиевым в статье «Пolemическое имя».³ В качестве условной границы Харджиев указал судьбоносный 1930 год, ассоциируемый не столько со смертью Маяковского, сколько с публикацией последних тиражируемых книг:⁴ «Его последние сборники были изданы в 1930 году, в количестве 150 и 130 экземпляров: я имею в виду два цикла „Ирониада“ и „Рубиниада“ — лучшие образчики любовной лирики Крученых, перекликающиеся с поэмой Маяковского „Облако в штанах“. Таким образом, последние 38 лет жизни Алексея Крученых были „рукописным“ периодом его творчества. <...> Когда „все сочиненное“ Алексеем Крученых будет собрано и издано, то станет очевидным, что русская поэтическая культура обогатилась такими произведениями, которые принято называть классическими».⁵ Контрастное противопоставление двух этапов творчества прослеживается до новейших исследований, посвященных наследию Крученых. Н. Гурьянова подчеркнула, что «рукописное время» Крученых в равной степени означало прекращение творческого процесса на стадии беловика (автор под давлением обстоятельств отказывался от полноты издательского цикла)⁶ и архивирование рукописных документов — создание коллекции артефактов, которым, следуя часто цитируемым самим Крученых строкам, «как драгоценным винам, настанет свой черед».

Собрание рукописей русского модернизма от футуризма и авангарда в целом до материалов формальной школы и будущих классиков XX века⁷ затмило поэтическое наследие самого Крученых позднего периода, оставляя в стороне важнейшую часть его личного архива — рабочие тетради, содержащие оригинальные тексты. В сознании современников коллекционирование представлялось наиболее плодотворным полем деятельности Крученых, а поэтическое творчество — второстепенным. Н. Гурьянова деэтимологизировала это так: «В его творчестве появляется новый „прибавочный элемент“: поэт в это время работает *прежде всего* как исследователь, историк и хранитель».⁸

и документы из собрания РГАЛИ: В 3 т. / Сост. А. Парнис; науч. ред. А. Сарабьянов. М., 2017–2019.

³ Харджиев Н. Poleмическое имя // Памир. 1987. № 2. С. 168.

⁴ Д. В. Карпов датирует работу Крученых в технике стеклопечати 1928 — серединой 1930-х годов. К этим книгам, помимо указанных Харджиевым, Карпов относит три первых выпуска сборника «Живой Маяковский» (июнь–август 1930), сборник «Неизданный Хлебников» (1928–1934, вып. 1–19, 23, 24) и ряд других изданий. См.: «В 1928 году 3-е издание его книги „Приемы ленинской речи“ становится последней авторской книгой, отпечатанной в типографии. С этого времени и до середины 1930-х годов Крученых использует стеклопечать. Позже начинается „альбомный“ период его творчества, продолжавшийся до самой смерти поэта <...> Техника стеклографии позволяет сохранить естественную непосредственность почерка автора и композиционное единство текста и рисунка на плоскости листа» (Карпов Д. «Неизданный Хлебников» Алексея Крученых и другие стеклографированные издания Алексея Крученых // Антиквариат, предметы искусства и коллекционирования. 2005. № 1–2 (24). С. 90).

⁵ Цит. по: Харджиев Н. И. От Маяковского до Крученых: Избр. работы о русском футуризме. С. 398.

⁶ «В 1930 г. вышли в свет два последних поэтических сборника Алексея Крученых „Ирониада“ и „Рубиниада“, изданных автором тиражом 150 и 130 экземпляров. После этого в творчестве „вождя заумцев“ и вдохновителя русского футуризма, „острейшего poleмиста и виртуоза эпатажных выступлений“ наступил тот особый период, длившийся до конца жизни поэта, который Николай Харджиев, близкий друг Крученых, назвал „рукописным“. (Из солидного поэтического наследия Крученых 1930–1960-х гг., требующего отдельного исследования и издания, было по-смертно опубликовано лишь несколько стихотворений и стихотворных циклов» (Гурьянова Н. Биография дичайшего. Воспоминания Крученых в литературном контексте 1920–1930-х годов // Крученых А. Е. К истории русского футуризма: Воспоминания и документы. С. 7–8).

⁷ РГАЛИ. Ф. 1338. Оп. 1, 2. Ед. хр. 1–2472.

⁸ Ср. в оценке А. А. Шемшурин: «Крученых отошел в сторону, но не пропал» (Шемшурин А. Слишком земной человек // Алексей Крученых в свидетельствах современников / Сост., вступ. статья, подг. текста и комм. С. Сухопарова. München: Verlag Otto Sagner, 1994. С. 63). Похожую характеристику можно найти и в других воспоминаниях, от наиболее сдержанных (М. М. Сияковой) до самых жестких характеристик, попутно обесценивающих и архивное собрание Крученых (Н. Н. Асеева). См.: «По специальности он певец, хотя давно бросил это занятие.

Постепенно образ «историка и хранителя» начал обрастать легендами. На смену концептуалисту и заумнику Кручу, более радикальному в акционизме и языковых новациях,⁹ чем Маяковский и Бурлюк, пришел новый — поэт превратился в филистера (здесь не случайна параллель с А. Рембо), торговца подержанными рукописями: «Звали его Алексей Елисеич, Кручка, но больше подошло бы ему — Курчонок. <...> Одевался в отрепья. Плюшкин бы рядом с ним выглядел завсегдаем модных салонов. <...> Он продавал рукописи Хлебникова. Долго расправляя их на столе, разглаживал, как закройщик. „На сколько вам?“ — деловито спрашивал. „На три червонца“. И быстро, как продавец ткани в магазине, отмерив, отхватывал ножницами кусок рукописи — ровно на тридцать рублей. / В свое время он был Рембо российского футуризма. <...> Когда-то и Рембо примерно в том же возрасте так же вдруг бросил поэзию и стал торговцем. <...> Он прикидывался барыгой, воришкой, спекулянтom. Но одного он не продал — своей ноты в поэзии. Он просто перестал писать. Поэзия дружила лишь с его юной порой. С ней одной он остался чист и честен».¹⁰

Созданный Андреем Вознесенским портрет, в котором поэзия почти синонимически связана с юностью, закрепил не только метаморфозу Круч — Курчонок, но и новый статус: Крученных — коллекционер. Ревизия наследия поэта Алексея Крученных произошла только в работах последнего десятилетия, когда исследовательский фокус сосредоточился на неопубликованных текстах, и новой terra incognita стали рабочие тетради позднего периода.

Для публикации отобраны записи из рабочих тетрадей 1927 — июня 1930 года (РГАЛИ. Ф. 1338. Оп. 1. Ед. хр. 47, 49). В журнальной версии практически невозможно передать графику и последовательность трех слоев правки, поэтому воспроизводится только окончательный текст: каллиграфия/машинопись с последней правкой. При публикации сохранены особенности авторского стиля Крученных: оставлены без изменения строчные и прописные буквы, пунктуация, фонетическая запись, новообразования и намеренные искажения слов. В стихотворных текстах передана строфика.

Субботний вечер —
 Всякой работе —
 шабаш!
 А в парикмахерской
 шипучий ад
 Там старичишке
 пятнадцать лет
 Весь в пене он
 И ножницы в носу торчат:
 Высоченный подмастерье
 в ноздре отыскивает бороду
 и подстригает.
 Когда же чист,
 и выбрит

<...> Он носит чужие ботинки, я уверен, не только от скупости, но и с тем расчетом, чтобы оставлять после себя отпечаток чужих следов. / Он ест, как кошка, придавливая еду лапой к земле, жмурясь и урча; причем после сладкого может есть мясо, если оно осталось на столе недоеденным. <...> Он собирает подписи, наброски, черновики, фотографии всех мало-мальски известных режиссеров, наклеивая их, составляя из них альбомы, собирая огромный архив отбросов <...> Вот откуда пошло в народе поверье о вурдалаках и упырях» (*Асеев Н. Н.* Собр. соч.: В 5 т. М., 1964. Т. 5. С. 23–24, 26).

⁹ См. отзыв Романа Якобсона: «...Крученных, к нему я никогда не относился как к поэту; мы переписывались как два теоретика, два заумных теоретика» (Якобсон-Будетлянин. Сборник материалов / Сост., подг. текста, предисловие и комм. Б. Янгфельдта. Stockholm: Almqvist & Wiksell International, 1992. С. 48 (Acta Universitatis Stockholmiensis; 29. Stockholm Studies in Russian Literature)).

¹⁰ *Вознесенский А.* На виртуальном ветру. М., 1998. С. 26–28.

И шиворот в одеколоне —
 старик встает,
 кряхтя сугробно, —
 Ему навстречу
 хозяин заведения
 виляет:
 Молло-дой
 челло-век,
 с вас тридцать пять,
 благодарю покорно! —
 Пра-а-шу <перейти?> направо,
 Пожалуйста, присядьте
 Эй, щипцы!
 Парикмахер
 уже встает
 над новой жертвой
 умильно пробривая
 левый
 глаз.¹

* * *

О Пастернаке

В жизни — обнаженная правдивость (пафос ее). [Всегда ли?]² Пильняк³ и к^о: ка-кая же это революция: свободы слова нет и т. д. Пастернака прорвало: это вы говорите о революции, что вам до революции (длинная речь).

М. Левидов:⁴ Я ведь в сущности еретик.

Пастернак (подняв с полу огурок):⁵ если М. Л. еретик, то это — Савонаролла!
 <так!>⁶

Пастернак (о книге «Все о Есенине»⁷): со временем забудут, спутают и будут считать, что стихи Есенина написал Крученых.⁸

* * *

Мне снилось (или сквозь сон) — это он написал новую поэму!

Воспоминания

Владимир —
 длинное имя какое,
 пред смертью так трудно
 водить пером!
 Ма-я-ков-ски-й —
 еще потруднее,
 Его прочитал я
 с трудом...

17.IV.30⁹

* * *

Не дам я работы крематорию
 не буду затруднять родных, знакомых.
 На зло поклонникам

ПРИ ЖИЗНИ

сам
 все сожгу
 до последней косточки, —
 пусть кричат:
 веселый был покойничек...¹⁰

* * *

Уже роковые тени заката
 набросили сетку на нашу голову
 Вот уже старый друг протянул пятки, —
 не вмещается в нормальном гробу.

Рокот моря, гуд земли,
 мор небесный, град и гром
 поразить нас больше не смогли-б
 чем МАЯК, упавший среди комнаты.

Чуть-чуть пролив,
 остальные раздавивши слезы,
 говорю я не как нежный друг и брат,
 говорю я прямо, крепко, грозно:

МАЯКОБА!
 Что-ж ты сделал?
 Во всю комнату
 на локоть —
 «дуба дал».

Из-за драмы,
 из-за бабы
 два набоба
 пыжат морды...
 Грязный бантик
 дряблых губок
 надо-б —
 с корнем!

А ТЫ
 ДУЛО ВДВИНУЛ! —
 наповал!..

МАЯКОБА!
 В небе бомбы
 гляди в оба!
 Многотонный
 перегрызывает небо
 грузный газовоз...
 Сторож, сторож!
 Нет, не в пору!
 Двинул горы.
 Врагу в радость,
 нам на горе,
 рано, рано,
 рокот моря —
 крупнокалибровый загромыхал...¹¹

* * *

Цокает цинком осень,
 Воздух — стекло.
 Холостит.
 Дайте мне добродить
 по холодной степи,
 дослушать пронизывающие стихи.
 Там
 — смотришь —
 Старуха костлявой клюкою
 Ко мне постучит...

(Холодный май 6/V–30)¹²

* * *

ДНЕВНИК¹³

Еще раз обмануть
 голод и войну —
 злейших скелетов,
 поиздеваться над смертью, —
 и тогда —
 капут...

7/VI–30

Мрач<ные> мысли
 и всем известно...¹⁴

¹ РГАЛИ. Ф. 1338. Оп. 1. Ед. хр. 47. Л. 13–13 об.² Так в оригинале.³ Пильняк Борис Андреевич (1894–1938; арестован 28 октября 1937-го, расстрелян 21 апреля 1938 года). В июне 1926 года в журнале «Новый мир» была опубликована рецензия на «Повесть непогашенной луны» Пильняка, в которой она была названа контрреволюционной и порочащей партию. В январе 1927 года в этом же журнале было помещено покаянное письмо Пильняка.⁴ Левидов Михаил Юрьевич (1891–1942) — писатель, драматург и журналист. Сотрудничал с журналом «ЛЕФ». В 1941 году арестован, расстрелян 5 мая 1942 года.⁵ Черновой вариант: «другому лицу, указывая на окуроч на полу».⁶ Савонарола Джироламо (1452–1498), монах-доминиканец. Последователи Савонаролы сжигали на «кострах тщеславия» картины, светские книги, зеркала и предметы роскоши.⁷ Речь идет о серии из 7 книг Крученых 1925–1926 годов: «Лики Есенина. От херувима до хулигана. Есенин в жизни и в портретах» (1925), «Гибель Есенина. Как Есенин пришел к самоубийству» (1926), «Есенин и Москва кабацкая» (1926), «Новый Есенин. О первом томе собрания стихотворений» (1926), «Проделки есенистов» (1926), «Хулиган Есенин» (1926) и «Черная тайна Есенина» (1926).⁸ РГАЛИ. Ф. 1338. Оп. 1. Ед. хр. 47. Л. 34.⁹ Там же. Ед. хр. 49. Л. 3.¹⁰ Там же. Л. 24.¹¹ Там же. Л. 25–26.¹² Там же. Л. 57.¹³ Подчеркнуто пунктиром.¹⁴ Там же. Л. 77.